

ВЛАДИМИР
БЕЛЯЕВ

РУССКИЙ
ГУЛЛЕНВЕР

ИМЕНУЕМЫЕ СТОРОНЫ

Владимир Павлович Беляев

Именуемые стороны.

Стихи и диалоги

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27050773

Именуемые стороны. Стихи и диалоги:

ISBN 978-5-91627-102-7

Аннотация

Первая книга стихов Владимира Беляева – отнюдь не проба пера и не попытка заявить о себе: читателю предстоит встретиться с голосом поэта, который уже превзошел любые начинания, который уже существует как неотъемлемая часть современной литературы и русскоязычной литературы вообще. Восходят ли стихи Беляева к традиционной поэтике, обращаются ли к новой форме – он ни на мгновение не становится заложником ни традиции, ни формального новаторства; каждое его стихотворение – концентрированное содержание, для которого форма – сосуд, инструмент, и не более. Владимир Беляев – поэт: говорящий, называющий, именующий, рассказывающий; поэт, стоящий на границе между именуемыми сторонами.

Содержание

Раз-два-три, где четвертый	4
I	9
«Прежде чем что-то сказать, Вовочка...»	9
«ходят тени, рыщут тени...»	11
«Крыша, фонарик, военная красота...»	13
«В шинелях без знаков отличия...»	15
II	16
«тайна-наволочка-туман...»	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Владимир Беляев

Именуемые стороны.

Стихи и диалоги

Раз-два-три, где четвертый

Царскосел Владимир Беляев на двадцать девятом году жизни вынырнул из своей спокойно начинавшейся литературной биографии – в неизвестность, непредсказуемость. Все общее, само-собой-разумеющееся, нацеленное на диалог с внешним миром ушло из его стихов.

И они стали *ego* стихами.

Оказалось, что у него есть собственный голос и собственный путь к тишине. Предмет зависти для мастеров «подпорченной гладкописи», мучительно пытающихся застолбить персональный способ нарушения полугармонии коллективного пользования, и для лирических стратегов, изобретающих себя, а после старающихся воплотить придуманное.

О чем говорит голос? Куда ведет путь? Не история, а примечания к истории. Не жизнь, а снящиеся в ней сны, образующие, однако, едва ли не цельный сюжет.

Снится война. Говорит царско/детскосельский «гений места» – нет, не Пушкин и не Александр Благословенный. «Го-

род Пушкин» с сороковых годов полон военных частей и училищ. Это и не кавалеристский дух Лермонтова и Гумилева. Просто *место дислокации*. Бесконечная некрасивая советская война. «Мама при погонах», появляющаяся и исчезающая. Тоска по ней, сиротство, одежда не по размеру.

Мама – а где отец? «Отец до этого ушел». Куда ? К «добрым отцам», которым идут поклониться? Начинаются тщетные поиски отца. Но уже не в тревожном военном мире – в мире каких-то полых вещественностей, чьи названия «появлялись из пустоты и пустоту означали».

открывается выжженная окрестность.
чересполосица, облака.
окрестность, а почему окрестность?
скоро будет река.

скоро из черной воды на свет
выйдем смотреть, как горит земля.
слышишь ли, слышишь – рыбы в листве,
наследники-тополя

Еще один гений места – призрак Анненского с его вечным устремлением к неопределенности, к негативным определениям, с его тревожной интонацией, с по-галльски гулкой строкой, по-чеховски шуршащей на рифмоидах. Анненский в немислимом для себя окружении: на бесконечной советской войне и в раю-аду после нее. Может быть, он и есть

отец?

Но вот чересполосица пустоты снова сгущается. Теперь – больница, вечный приемный покой с «достоевским светом», чужие дома («...нет, мы не знаем жены твоей Киры, дочери Веры»). Снова появляется мать – и вот что она говорит:

Мальчик-мальчик, сверни-ка шею голубке,
за волосы ее отгаскай, отгаскай.
Залезай-ка скорее под юбки-юбки,
и папу туда не пускай

Отец-мать-дитя с их фрейдистскими отношениями?
Трое? Нет.

и не знаешь уже, к кому обратиться.
раз-два-три, где четвертый?
ходит дима-близнец, тревожная птица,
ни живой, ни мертвый.

будто не было детства, купанья в корыте,
разлетевшихся брызг.
ходит дима один в старом кителе,
пограничник границ.

Оказывается, есть еще «близнец», охраняющий границы этого заповедного снящегося мира. Видимо, его взгляда и пули не миновать. Но – вот еще один герой: дитя, сын говорящего; не случайно странным каталогом его бытия закан-

чивается книга. Если выход в иные миры (в наш, скажем) есть, то лишь у него. Остальные заколдованы вечным военно-дорожно-больничным сном...

Но я чувствую, что веду себя как та билетерша, сообщающая посетителям кинотеатра, что «убийца – дворецкий». Я слишком многое пытаюсь рассказать о мире поэта, а главное – злоупотребляю цитатами. Лишая читателя возможности прочитать стихи Владимира Беляева постепенно, в должном порядке, вслух. Потому что это – большое удовольствие. В том, что касается эвфонии и интонации, Беляев – особенный мастер. и это тем более интересно, что иные его строфы кажутся чуть ли не корявыми, пока не произнесешь стихотворение. Тогда все становится на свои места.

Но бессмысленно говорить о том, что поэт «умеет» – это подразумевается, но все-таки этого мало. Поэт – зона рождения языка. В данном случае он рождается (и начинает воплощаться) на стыке (см. выше) милитаристского дольника и печальных анненских зияний. В области индивидуально смещенного пространства-времени. Под индивидуальным углом остранения/закавычивания, который делает возможной какую-то архаическую сентиментальность, не противоречащую *военным снам*, составляющую с ними единое целое.

Наше ремесло таково, что ничего нельзя говорить авансом: любой из нас всю жизнь стоит перед угрозой мгновенной немоты, обезьязычивания, окостенения. Но этот мир в

его базовых очертаниях *уже* есть, эти стихи *уже* написаны.
«Это прежде всего».

Валерий Шубинский

I

«Прежде чем что-то сказать, Вовочка...»

*Прежде чем что-то сказать, Вовочка, —
обязательно посмотри назад.*

*Видишь, — детей ведут на веревочке
через Волчий сад?*

Вижу, Марьиванна, вы — Дева пречистая.

... или вы — говорящий ад?

Вижу — весна, ко всему причастная,
согревает детдомовский виноград.

Ветер несет облака на четыре стороны.

Воздух оживший вдыхаю, закрыв глаза.

*И не жалко тебе — что до времени будут сорваны?
Вовочка, посмотри назад.*

Зачем — я и так запомнил счастливое —
одежду не по размеру, говор смешной.

А все, что в них есть сиротливое, —
это я сам, — то есть то, что спорит со мной.

*Вовочка, эти слова неудачно украдены.
Садись, мальчик юродивый, садись – два.
Марьяванна, а вы знаете задачку про виноградину,
которую разделили на два?*

Половина идет через п – смежных комнат, —
и в каждой кто-нибудь плачет или кричит.
А другая сидит в пустоте и себя не помнит, —
видит все и молчит.

«ХОДЯТ ТЕНИ, РЫЩУТ ТЕНИ...»

ходят тени, рыщут тени —
у кого сильней болит.
там собака в темноте
или страшный инвалид?

побежать в конец вагона,
кнопку вызова нажать.
выйдет мама при погонах,
станет сына утешать.

*зла на свете не бывает —
спи, никто тебя не съест.
зла на свете не бывает,
да не всем хватает мест.*

*вот и мы с тобой воюем,
спорим – кто кого вскормил.
вот и мальчик тень свою
дверью в тамбур прищемил.*

смотрит – легкие узоры,
и легко закрыв глаза, —
те же самые узоры —
альвеолы, небеса.

а внизу во мраке тает
полустанок-уголек.
мальчик все еще не знает —
он сиротка или бог.

«Крыша, фонарик, военная красота...»

Крыша, фонарик, военная красота.

Так в тепле мы родину проезжали.
А разжали двери вагона – уже не та,
будто и сердце разжали.

Так сказал я, и сам задрожал, как ЗК —
в телогрейке беззубой.
А родина просит бородатого старика —
назови меня Кубой.

Оттого-то и просит, что бывает собой
только в окнах вагона.
Мальчик мой, не забывай и не пой
эти песни с перрона.

А вот лучше еще повтори,
что там – крыша, фонарик...
Говори мне свое, дорогой, говори —
это главный подарок.

Кто бы чаю налил, кто бы смог научить
замиранию сердца,
и во тьме свою родину вдруг различить,

как откроется страшная дверца.

«В шинелях без знаков отличия...»

В шинелях без знаков отличия
идут сквозь березовый лес.
Звериное слышат и птичье —
и каждого чувствуют вес.

Но мчится, как поезд товарный,
ребенка забытого смех.
И снег выпадает на армию,
и головы падают в снег.

*Ах, мальчики, все это сказки.
Не умер никто – не умрет.
Так ржавый остов коляски
скрипучим вертинским поет.*

И первый-второй замечает,
что – вечер, что – лес в сентябре.
И первый второму прощает,
прощает себе.

II

«Тайна-наволочка-туман...»

тайна-наволочка-туман.
как булавку найду – вспоминаю
о тебе, о чистом постельном белье.
наши, как легкий туман,
отступают.
я отступаю.
сняли лычки. ключи на столе.

ты проснешься – нет никого.
чайник выключишь, высушишь листья,
скажешь – почта шуршит.
разве нет никого, если есть.
Катя, Миша, Алиса,
кто еще за подкладку зашит.

или этот конверт дорогой —

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.